

Д. В. СВЕРЧКОВ

На заре революции

<Фрагменты>

<...>

С раннего утра я уже был в нашей штаб-квартире Совета — на Торговой улице, 25, в помещении союза рабочих печатного дела. Там я ежедневно оставался до глубокой ночи. После бурного дня, когда, поздно вечером, наконец мы немного освобождались от решения повседневных дел и от ответов на многочисленнейшие запросы, обращаемые к нам не только из Петербурга, но и со всех концов России, мы — чаще всего втроем: Л. Д. Троцкий, Петр Александрович Злыднев (рабочий Обуховского завода, умерший в 1913 году в ссылке в Сибири) и я — собирались и вели длинные беседы о дальнейшей тактике Совета и о планах наших действий.

Идейным руководителем Совета был Л. Д. Троцкий. Председатель Совета — Носарь-Хрусталеv — был скорее ширмой, ибо сам не был в состоянии решить ни одного принципиального вопроса.

Человек с болезненным самолюбием, он возненавидел Л. Д. Троцкого именно за то, что ему приходилось обращаться постоянно к нему за советами и указаниями.

<...>

Исполнительный комитет заседал в комнате совета Вольно-экономического общества, дверь в которую вела с хор общего зала. Тов. Троцкий вышел на хоры и предупредил всех депутатов о предстоящем аресте, о том, что Исполнительный комитет решил остаться и никуда не уходить и не оказывать сопротивления вследствие полной невозможности это сделать. Никаких возражений не последовало. Тов. Троцкий возвратился в Исполнительный комитет и продолжал вести заседание.

Кто-то выглянул в окно и сообщил, что здание оцепляется войсками. Через некоторое время слышится звук шпор и лязг оружия внутри здания. Отворилась дверь, и в комнату, где заседал Исполнительный комитет, входит полицеймейстер Значковский, с несколькими охранниками. Он вынимает бумагу и готовится читать. Один из членов Исполнительного комитета продолжает говорить речь по поставленному на обсуждение вопросу. Полицеймейстер перебивает его и читает:

«Согласно распоряжению министра»...

Тов. Троцкий резко обрывает его:

— Прошу не мешать говорить оратору. Если вы хотите получить слово, попросите его у меня, и я поставлю вопрос на обсуждение собрания, которое захочет или не захочет вас выслушать.

— Продолжайте, товарищ! — обращается тов. Троцкий к говорившему члену Исполнительного комитета.

Тот продолжает.

Полицеймейстер стоит с растерянным видом, не зная, что делать. Так продолжается несколько минут. Оратор кончил. Тов. Троцкий обращается к собранию.

— Представитель полиции желает сделать нам какое-то сообщение. Разрешаете ли предоставить ему слово в порядке информации?

Решаем: слово дать. Полицеймейстер, ободрившись, читает приказ о нашем аресте. Тов. Троцкий предлагает принять его к сведению и перейти к очередным делам. Слово получает следующий оратор по вопросам порядка дня. Полицеймейстер стоит в полнейшем недоумении, не зная, что делать. На физиономии его написано, что такого случая в его многолетней практике еще не наблюдалось.

— Позвольте! — начинает он опять, обращаясь к тов. Троцкому.

— Прошу вас не мешать нам! — резко обрывает тот. — Я дал вам слово, вы сделали сообщение, которое нами принято к сведению. Желает ли собрание, — обращается он к нам, — вести дальнейшие разговоры с полицейскими?

Все отвечают отрицательно.

— Прошу вас удалиться! — говорит Троцкий полицеймейстеру.

Тот беспомощно разводит руками и, постояв еще несколько минут, уходит вместе с охранниками. Мы хохочем.

— Товарищи! — говорит тов. Троцкий, — предлагаю не называть себя и немедленно уничтожить все документы, записки и все, что есть лишнего в карманах.

<...> ¹

Тов. Троцкий попал в Петербургскую одиночную тюрьму («Кресты»), где режим был гораздо более легкий. Ему удалось сразу же установить сношения с волей, и он написал там и передал на волю целый памфлет «Петр Струве в политике», изданный в начале 1906 г.² Он получал в свою камеру — конечно, нелегально — газеты и журналы. Издание этого памфлета под именем Тахоцкого, в котором по блестящему, острому, как бритва, стилю все узнали настоящего автора, показало наличие связи его с волей и получение им свежих журналов (он цитировал в памфлете номер «Полярной звезды», вышедший уже после московского восстания) и повлекло за собой перевод его из «Крестов» в Петропавловскую крепость. Лишь в апреле 1906 г. он был перевезен оттуда в дом предварительного заключения.

<...>

Тюремная камера Л. Д. Троцкого превратилась вскоре в какую-то библиотеку. Ему передавали решительно все, сколько-нибудь заслуживающие внимания, новые книги; он прочитывал их и весь день с утра до поздней ночи был занят литературной работой.

— Я чувствую себя великолепно, — говорил он нам. — Сiju, работаю и твердо знаю, что меня ни в коем случае не могут арестовать!.. Согласитесь, что в границах царской России это довольно необычное ощущение...

<...>

После защиты за потрепанного генерала принимается тов. Троцкий. Он устанавливает по отношению к полицейским и жандармам особо презрительную форму поведения. Он не смотрит совсем на свидетеля и задает вопросы в третьем лице, не желая себя загрязнить даже непосредственным обращением к ним.

— Не помнит ли свидетель, что в числе «вещественных доказательств», отобранных у меня при аресте, был новенький портфель с серебряной монограммой?

— Как же, помню! Т. е. портфеля я не видел, но в описи такой значился, — отвечает генерал.

— Не может ли передать суду свидетель, что он мне ответил, когда я спросил его о судьбе этого портфеля?

— Извините, времени много прошло, и в точности я не припомню, — говорит генерал, — может быть, вы мне напомните, тогда я могу подтвердить.

— Не сказал ли мне свидетель, что этот портфель пропал в охранном отделении; что стоит только туда попасть какой-нибудь дорогой вещи, как она непременно там пропадает?

— Совершенно верно. Это самое я и сказал! — подтверждает генерал и смеется самым глупейшим образом.

Крашенинников доходит чуть ли не до обморока от злости. Удовлетворенный Троцкий садится на место.

<...>

Л. Д. Троцкий почти не выходил никуда из своей комнаты в больнице. Здоровье его «ухудшалось». «Ишиас» разыгрался вовсю. Приходивший проверять наше присутствие в Березове стражник вскоре совершенно успокоился относительно Троцкого: куда ему бежать! и ходить-то еле-еле может!

Между тем мы вели длинные разговоры о способах переселения к юго-западу. Зачастую я и Троцкий собирались у Ф. Н. Рошковского, который один только был посвящен в наши планы, и делились разными соображениям. После долгих обдумываний остановились на плане отъезда Троцкого прямо на запад, через Урал, на Сосьвинские юрты, и дальше, до Богословского завода, соединенного узкоколейкой веткой железной дороги с Пермской линией. Путь этот был выбран Троцким потому, что являлся наименее удобным и таким образом гарантировал, что полиция ошибется и качнет розыски в направлении по большому Тобольскому тракту, по которому мы приехали. Последний путь, действительно, обещал наибольшую помощь со стороны расселенных почти через каждые 100–200 верст политических ссыльных, тогда как отправляться по дороге, избранной тов. Троцким, значило вплоть до железной дороги — около 1000 верст — не встретить ни души, кроме остяцких юрт или кочевых самоедов. Вдобавок «дорога» эта вовсе не была дорогой в настоящем смысле этого слова. Ехать можно было только на оленях и не сбиваться с пути в том случае, если руководствоваться следом проехавшей раньше нарты.

План был установлен. За осуществление его взялся тот же неутомимый Ф. Н. Рошковский. В своей книжке «Туда и обратно»³, описывавшей наше путешествие в ссылку и обратное возвращение тов. Троцкого в Петербург, тов. Троцкий вывел Ф. Н. Рошковского под видом «молодого либерального купца Никиты Серапионьча». Этого требовала конспирация при царском режиме. Думаю, что

тов. Ф. Н. Рошковский не обиделся, что его из политического ссыльного тов. Троцкий превратил в купца.

Ф. Н. Рошковский взялся подыскать проводника, который бы согласился отвезти Л. Д. Троцкого в намеченном направлении, купил для путешествия «гуся» (шубу мехом вверх с капюшоном, надевающуюся, как женская юбка, через голову), меховые чулки и пимы, рукавицы — словом, все необходимое. Проводнику тов. Троцкий, кроме вознаграждения, обещал подарить при прибытии на место назначения оленей, которых он также купил на свой счет, «гуся» и все принадлежности путешествия, делавшиеся ненужными и опасными при прибытии на железную дорогу.

Уладив и организовав все, начали ждать подходящего момента для отъезда. В разговорах со мной Л. Д. Троцкий спрашивал:

— Ну, а ты как думаешь, скоро двинуться?

Я отвечал, что пока не знаю, что, по всей вероятности, придется провести лето здесь. Кроме того, уехать было очень трудно, особенно после побега Л. Д. Троцкого, который, конечно, произведет много шума.

Нам сказали, что из Березова есть возможность бежать с первым прибывающим весной по открытию навигации пароходом. Не помню уже подробных условий, но уехать можно было только одному и только именно с первым из пароходов, ибо на последующих обстановка уже не та. Троцкий усиленно рекомендовал мне воспользоваться этим случаем, если только удастся до весны задержаться в Березове.

Я ответил ему, что ведь нас остается двое: я и Хрусталеv, а бежать можно только одному, и что я затрудняюсь придумать способ, которым можно было бы обеспечить именно за мной эту возможность отъезда на пароходе. Хрусталеv также все время говорил о своих приготовлениях к побегу. Л. Д. Троцкий рассмеялся и сказал:

— Ну, уж проще ничего и быть не может! Просто пойдешь как-нибудь к Хрусталеvu и спросишь его: «Георгий Степанович, у вас уже есть план вашего побега?» Если он даже ничего еще не придумал, он по своему самолюбию ни за что не признается в этом и, конечно, ответит, что есть. Тогда ты и скажи, что с первым пароходом представляется возможность удрать и что раз у Хрусталева уже имеется другой план, то ты фиксируешь за собой пароход. Вот и все.

Я не мог отказать этому предложению в остроумии. Оно как нельзя больше было рассчитано на характер и поведение Г. С. Хрусталева-Носаря.

Через несколько дней в Березов приехала моя жена. Ее мы тотчас же посвятили во все наши тайны. Она начала, с своей стороны, готовить все необходимое для путешествия Л. Д. Троцкого в смысле всякого продовольствия и проч.

Наконец настала долгожданная возможность осуществить план побега. Местными любителями был назначен в пользу кого-то или чего-то большой концерт и спектакль. Все члены военной и полицейской администрации участвовали, кто — в чеховском «Медведе», необходимой для всякого любительского спектакля пьесе, кто — в концерте, собираясь пленить местное общество своим голосом или игрой на скрипке или гитаре. Мы получили приглашение почтить нашим присутствием этот спектакль и оценить со столичной точки зрения таланты березовских артистов. Л. Д. Троцкий решил, что более подходящего случая, чтобы скрыться, вряд ли представится. Все без исключения блюстители порядка и представители власти были или загримированы на сцене, или находились в числе зрителей.

Отъезд Л. Д. Троцкого решили: назначить на одиннадцать часов ночи, когда спектакль будет в полном разгаре. Вечером я, жена и Л. Д. Троцкий, сильно прихрамывающий (как назло «ишиас» усилился, а он жаловался на это больничному доктору), отправились на спектакль. Я с женой заняли места в пятом или шестом ряду. Л. Д. Троцкий поместился за мною. Спектакль происходил в помещении казармы. На этот случай оно было разукрашено, по стенам горели свечи в канделябрах, устроенных из штыков.

Прослушали «Медведя», которого изображал толстый больничный фельдшер. В антракте зрители собирались группами и вели приятные разговоры. Нам уделялось много внимания.

Лица из администрации считали своим долгом подойти к Л. Д. Троцкому и справиться об его здоровье. Он жаловался на ухудшение болезни.

Началось концертное отделение... На сцене под аккомпанемент гитары местное трио приступило к исполнению романса «Ночевала тучка золотая». Л. Д. Троцкий слушал, наклонившись вперед через мое плечо. Через несколько времени он приложил свою щеку к моей, — в знак прощания, — медленно поднялся и вышел

из зала. Я, не оборачиваясь назад, продолжал слушать романс. Мысли были там, в квартире Н. Ф. Рошковского, к которому ушел Л. Д. Троцкий для исчезновения с сибирского горизонта. У Ф. Н. Рошковского он остригся, переделался и с проводником прошел в условленное место.

С пожарной каланчи Березова было видно кругом, по крайней мере, на версту, всякое движение по белой пелене снега в город или из города. Основательно предполагая, что полиция станет расспрашивать дежурного пожарного о том, не уехал ли кто-нибудь из города в эту ночь, Ф. Н. Рошковский устроил так, что один из жителей повез в это время по Тобольскому тракту куда-то тушу телятины. Движение это, как и ожидали, было замечено, и полиция, обнаружив через два дня побег Л. Д. Троцкого, прежде всего бросилась за телятиной, вследствие чего потеряла еще два дня бесполезно.

Через час после ухода со спектакля тов. Троцкого в залу возвратился ушедший раньше Ф. Н. Рошковский. Я молча посмотрел на него. Он глазами ответил утвердительно. Побег тов. Троцкого не был замечен целых два дня. В больнице предполагали, что он остался у меня; а когда стражник приходил ко мне, то выносил впечатление, что он в больнице. Нам совершенно неожиданно помогла баба, отпускавшая обеды, которая клялась и божилась полицейским, что Л. Д. Троцкий исправно обедает вместе со мной...

<...>

Л. Д. Троцкий, давно вышедший из фракции меньшевиков и не примкнувший к «плехановцам», начал издавать вместе с украинской с.-д. организацией «Спилка» газету «Правда», в которой, не стоя на фракционных точках зрения, стремился объединить все, что есть здорового и в большевизме, и в меньшевизме, и поставить в порядок дни единство пролетарского революционного движения без посторонних наслоений. В этой газете он по-прежнему настойчиво и упорно проводил мысль о «перманентности» русской революции, т. е. доказывал, что, раз начавшись, она не может закончиться до тех пор, пока не приведет к ниспровержению капитализма и водворению социалистического строя во всем мире. Над ним смеялись, его обвиняли в романтизме и в семи смертных грехах как большевики, так и меньшевики, но он упорно и твердо проводил свою точку зрения, не смущаясь нападками.

Я глубоко сочувствовал ему, хотя принадлежал сам к меньшевикам⁴. Мне ценнее всего было в его деятельности стремление

сохранить партию на высоте ее задач и отвести в сторону все чуждые ей наслоения.

Иногда Л. Д. Троцкий приезжал в Париж. Мы проводили с ним длинные вечера в беседах, строя планы на будущее. Как-то однажды, возвращаясь после одного из собраний, на котором выявилась та же склока и сумятица в образе мыслей членов одной и той же партии, я начал говорить, что кризис, который переживает партия, следует ускорить, что разложение на всяких «истов» приведет лишь к тому, что в бездне противоречий потонет основная цель партии и что, по-моему, пора поставить в порядок дня вопрос о выходе из партии всех марксистски мыслящих элементов и о создании другой единой революционной партии, или об исключении из партии тех, кто отошел от марксистской точки зрения. Л. Д. Троцкий начал критиковать мою мысль и спросил:

— Ну, а как же ты назовешь эту новую правоверную марксистскую партию?

Я ответил:

— Первый, подписанный Марксом и Энгельсом документ, характеризующий научный социализм, который мы ставим во главе нашей программы, есть Коммунистический манифест. Почему же не назвать новую партию коммунистической?

Л. Д. Троцкий подумал и сказал, что с именем Российской социал-демократической рабочей партии связано слишком много заслуг в деле революционной борьбы пролетариата, чтобы от этого имени отказаться. На этом тогда этот наш разговор и закончился.

Должен сказать, что, говоря о будущей коммунистической партии, я, конечно, совершенно не имел в виду, что она будет включать в себя только большевиков-ленинцев. Я полагал, что в ней можно будет объединить как большевиков, так и меньшевиков, но стоящих на точке зрения марксизма, не закрытой всякими модными наслоениями того времени.

В то время в Париже создалась из довольно узкого круга партийных товарищей комиссия по содействию думской социал-демократической фракции. В эту комиссию вошли: В. И. Ленин, Л. Б. Каменев, Ю. О. Мартов, Ф. И. Дан, П. Б. Аксельрод и другие товарищи. Задачей комиссии была предварительная разработка вносимых в Думу от имени с.-д. фракции законопроектов, составление тезисов для произносимых в Думе с.-д. депутатами речей, критика правительственных законопроектов и точек зрения

представителей других партий, связь думской фракции с партией и организациями партии и т. д. В эту комиссию был приглашен и я.

Работа, проведенная там в течение нескольких месяцев, была чрезвычайно интересной и живой. Разрабатывая тот или иной вопрос, мы через несколько времени читали произнесенными с думской кафедры на всю Россию результаты нашей работы. Для меня, кроме того, имели особое значение и особый интерес речи и доклады, делавшиеся на заседаниях комиссии лидерами нашей партии. Каждый такой доклад, каждое заседание комиссии стоили дюжины университетских лекций.

После одного из заседаний комиссии в частной беседе с П. Б. Аксельродом зашла речь о Л. Д. Троцком. П. Б. Аксельрод рассказал мне, что, несмотря на свое несогласие с Троцким, он любит его от всей души с первой же своей с ним встречи, а встреча эта произошла при оригинальных обстоятельствах.

«— Как-то, в 1903 году, в Цюрихе, где я постоянно живу, глубокой ночью, когда я уже спал, раздается стук в дверь. Я пошел открыть. Входит молодой человек и спрашивает:

— Вы — Павел Борисович Аксельрод?

Отвечаю утвердительно.

— Я приехал к вам прямо с вокзала. Заплатите, пожалуйста, извозчику, — у меня нет денег. Я останусь у вас ночевать.

Я исполнил требуемое, после чего только узнал, что приезжий, это — Троцкий, что он только что бежал из ссылки из Сибири, никого за границей не знает, мой адрес ему удалось где-то достать, и он явился прямо ко мне попросту и без церемоний. Мне это все страшно понравилось, — действительно, человеку деваться было некуда, и он, как объяснил мне, не мог не верить в то, что встретит именно тот прием, который и нашел. Как бы хорошо было, если бы все наши товарищи относились друг к другу так же просто! Я познакомился с ним и с первых же слов его увидел крупную величину, которая идет на смену нам, старикам. С этого первого момента я его искренно полюбил»⁵.

<...>

В тюрьме я писал письма в ограниченном количестве, но получал их в довольно большом числе, причем моими главными корреспондентами являлись моя жена, которая не ограничивалась свиданиями, а напоминала мне почти ежедневно о том, что меня помнят и обо мне заботятся, и Л. Д. Троцкий. Последний писал

мне из Вены, не подписывая, конечно, своей фамилии и не позволяя писать в письмах что-либо, что могло повести к их задержке тюремной администрацией, но его письма мне были очень дороги. В них он старался поддержать мой дух и хорошее настроение, сообщал кое-что о своей жизни и так или иначе связывал меня с тем партийным миром, который был так далеко от меня и вернуться в который я имел очень мало шансов. Получение его писем, которые, по необходимости, были сравнительно редкими, было для меня праздником, и я долго перечитывал их и всячески старался спрятать от нескромных глаз надзирателей во время частых обысков. Впрочем, штампель прокурора: «просмотрено» или надпись о том же начальника тюрьмы устраняли всякое подозрение обыскивающих⁶.

